

Станюкович Константин Михайлович

Первые шаги

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Михайлович С.**
Первые шаги / Станюкович Константин Михайлович – М.: Книга по Требова-
нию, 2022. – 343 с.

ISBN 978-5-519-75286-2

ISBN 978-5-519-75286-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

исполненной добрыми намѣреніями приложить куда-нибудь молодыя силы и завоевать себѣ кусокъ хлѣба.

Стрепетовъ былъ почти уже у дверей, гдѣ особенно тѣснилась публика, какъ вдругъ остановился съ видомъ человѣка, не то пораженного внезапной мыслью, не то обронившаго бумажникъ съ деньгами. Не особенно обращая вниманіе на толчки, онъ повернулъ голову и искалъ глазами кого-то въ толпѣ, напиравшей сзади.

— Нашли мѣсто для наблюденій, нечего сказать! Да проходите же куда-нибудь, милостивый государь! — проговорилъ надъ самымъ его ухомъ какой-то пожилой господинъ тѣмъ придиричивымъ, раздражительнымъ тономъ, какимъ умѣютъ говорить пetersburgцы и особенно чиновники.

„Милостивый государь“ стремительно бросился въ сторону и чуть-было не сшибъ съ ногъ маленькую, толстенъкую старушку съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ въ одной рукѣ и кудрявой собачонкой въ красной попонѣ — на другой. Получивъ, несмотря на самыя добросовѣстные извиненія, брюзгливое старушечье: „невѣжа!“, Стрепетовъ выбрался, наконецъ, изъ толпы и, покраснѣвшійся и сконфуженный, стараясь однако сохранить видъ полнѣйшаго равнодушія, вытянулъ впередъ голову, вглядываясь въ проходящихъ пассажировъ.

Вдругъ радостная улыбка разлилась широкой волной по его лицу, засвѣтилась чѣмъ-то дѣтскимъ въ глазахъ и добродушно растянула ротъ, открывая рядъ сверкающихъ бѣлизною зубовъ. И въ то же мгновеніе молодой человѣкъ громко, слишкомъ даже громко для чиннаго Петербурга, крикнулъ, махая въ толпу шляпой:

— Римма Михайловна! Римма Михайловна!

Проходившій мимо высокій, худой, франтоватый молодой человекъ, въ полосатомъ длиннополомъ пальто-халатѣ съ многочисленными пелеринками, даже вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго окрика. Онъ смѣрилъ Стрепетова быстрымъ насмѣшливымъ взглядомъ черезъ монокль, усмѣхнулся и довольно громко проговорилъ, обращаясь къ своему спутнику:

— Голосиста святая провинція. Вѣрно, новый пѣвчій. Теноръ *di forza*!

„Провинція“, не думавшая поступать въ „пѣвчіе“, хотя и вспыхнула, но не обратила вниманія на насмѣшку, торопясь навстрѣчу къ стройной, небольшого роста молодой женщинѣ, которая плывущей, граціозной походкой, нѣсколько удивленная и сконфуженная, шла къ молодому человеку.

„Волнуясь и спѣша“, Стрепетовъ сталъ извиняться, что осмѣлился такъ безцеремонно окликнуть Римму Михайловну. Но онъ не видалъ другого исхода, чтобы не оказаться въ ея мнѣніи невѣжей. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣстѣ ѣхали десять дней, она такъ дружески обходилась съ нимъ, познакомившись на пароходѣ, такъ обязательно отвѣчала на его безконечные разспросы о Петербургѣ, а онъ даже не поблагодарилъ ея, не простился. Что могла она о немъ подумать? Дѣло въ томъ, что онъ проспалъ Петербургъ, выскочилъ изъ вагона какъ полоумный и...

— Да вы не извиняйтесь. Право, я ничего не подумала!—остановила Стрепетова Римма Михайловна, глядя съ невольной улыбкой на этого наивнаго степняка, вздумавшаго изливать чувства признательности на платформѣ.

Но, въ качествѣ „святой провинціи“, Стрепетовъ не принялъ въ соображеніе, что его дорожная спутница торопится, и не сразу остановился въ своихъ изліяніяхъ. Ему впервые довелось познакомиться съ петербургской слушательницей медицинскихъ курсовъ, оканчивающей ученіе. Восхищенный ея простотой и скромностью, тронутый заботливостью, съ какою эта дѣвушка, сама утомленная, возилась на пароходѣ съ захворавшимъ ребенкомъ палубной пассажирки, Стрепетовъ проникся къ дѣвушкѣ почтительной восторженностью, стараясь оказывать ей всякія услуги, и потому считалъ теперь своимъ „святымъ долгомъ“ еще разъ засвидѣтельствовать, что онъ не невѣжа, какъ должна была бы подумать Римма Михайловна, и затѣмъ уже воскликнулъ, нѣсколько умѣряя, въ виду публики, свой звучный теноръ *di forza*:

— Отъ всего сердца желаю вамъ сдѣлаться знаменитымъ докторомъ, быть счастливой, здоровой, веселой... Ну, однимъ словомъ, всего, всего хорошаго!—съ искреннимъ чувствомъ прибавилъ Стрепетовъ, не зная, чего еще пожелать, но очевидно готовый пожелать Риммѣ Михайловнѣ хоть корону, если бы она захотѣла ее.

Римма Михайловна даже нѣсколько сконфузилась отъ такой горячности пожеланій своего дорожного спутника.

— Спасибо, спасибо вамъ! — торопливо отвѣчала она тихимъ, необыкновенно мягкимъ голосомъ, съ контральтовыми нотами. — Желаю и вамъ успѣховъ въ Питерѣ! Здоровья вамъ, кажется, желать нечего? У васъ его довольно! -- привѣтно улыбнулась она, протягивая маленькую руку въ темной шведской перчаткѣ. Однако, пойдете!

Они пошли вмѣстѣ къ выходу. Дорогой Стрепетовъ спросилъ:

— А васъ такъ и не встрѣтили? Вы, кажется, ждали кого-то, Римма Михайловна?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Римма Михайловна встрепенулась, слегка покраснѣла, и губа ея, подернутая темнымъ пушкомъ, судорожно вздрогнула.

— Вѣрно моя телеграмма опоздала! — проронила она нѣсколько словъ, наклоня свою маленькую, красиво посаженную голову.

— Да вѣдь вы ее вчера послали! — продолжалъ Стрепетовъ, не замѣтившій волненія Риммы Михайловны.

— Такъ что жъ? Все равно, могла опоздать! — нетерпѣливо проговорила дѣвушка, прибавляя шагъ.

Молодой человѣкъ догадался замолчать.

Они вошли въ большія сѣни у выхода съ дебаркадера и смѣшались съ толпой.

Тамъ, въ ожиданіи багажа, шла обычная шумливая суета.

Поминутно раздавались безпокойные окрики, то-ропливые, отрывистыя восклицанія, то гнѣвные, то испуганныя, всѣхъ этихъ волнующихся пассажировъ, въ особенности дамъ, безтолково метавшихся и спѣшившихъ словно на пожаръ.

Ловко лавируя въ толпѣ и прося поберечься, то-и-дѣло сновали коренастые носильщики съ большими чемоданами и сундуками на могучихъ плечахъ, а выстроившіеся въ рядъ отельные швейцары, галантно приподнимая свои фуражки, выкрикивали въ упоръ проходящимъ названія гостиницъ, выхвалявая ихъ удобства.

Пассажировъ съ этимъ поѣздомъ пріѣхало мно-

жество. Особенно было много отцовъ и маменекъ съ подростками и молодыхъ людей и барышень, наѣзжающихъ въ столицу ко времени пріемныхъ экзаменовъ. Вся эта, нахлынувшая изъ разныхъ угловъ Россіи, молодая, шумливая публика, съ румяными, свѣжими щеками, рѣзко выдѣлявшимися среди истощенныхъ, блѣдно-зеленыхъ петербургскихъ лицъ, пріѣхавшая въ Петербургъ, полная надеждъ пробраться въ тѣсныя двери разныхъ храмовъ науки, глядѣла бодро и весело, не предвидя еще ни грядущихъ бѣдъ и разочарованій изъ-за какой-нибудь одной „тройки“, ни скорой потери свѣжаго цвѣта лица, здоровья и часто самой надежды добиться высшаго образованія и куска хлѣба...

На этомъ небольшомъ пространствѣ случайнаго сборища жизнь проявлялась въ своихъ обычныхъ поразительныхъ контрастахъ, не обращая на себя ничьего особеннаго вниманія. Тутъ, сцена радостнаго свиданія счастливыхъ молодыхъ супруговъ, веселье, улыбки и смѣхъ, а рядомъ — печальныя лица, глубокой трауръ, молчаливая скорбь и тихо льющіяся слезы при встрѣчѣ. Неизбѣжная на вокзалѣ почтенная старушка, только-что потерявшая сакъ-вожатъ, гдѣ лежали деньги, и которая съ обезумѣвшимъ отъ ужаса лицомъ беспомощно мечется во всѣ стороны, удивляясь всеобщему равнодушію, конечно, была тутъ, дополняя обычную картину, такъ же какъ и вотъ этотъ, непомѣрно толстый и неуклюжій купчина съ обличьемъ захолустнаго „медвѣдя“, неожиданно попавшаго въ толпу, который, смущенно озираясь вокругъ тупымъ взоромъ, еще разъ прощается съ подкрашенной, пестрой, вертлявой дамой подержаннаго вида, своей случайной знакомой между

Петербургомъ и Москвой, развлекавшей богатаго сибирскаго „медвѣдя“ въ уединеніи отдѣльнаго купѣ.

Эта разнообразная толпа волнуется, шумитъ и суетится. У многихъ на лицахъ озабоченность, нетерпѣніе и то выраженіе безпричиннаго тупого испуга, которое обыкновенно бываетъ на физиономіяхъ русскихъ людей во всякихъ публичныхъ мѣстахъ и на всякихъ сборищахъ.

Римма Михайловна послала носильщика за своимъ багажемъ, а сама отошла къ окну. Грустная стояла она среди этого шума, бросая повременамъ въ толпу безпокойные взгляды, словно поджидая кого-то.

Вся ея небольшая, стройная фигурка дышала изяществомъ и застѣнчивой простотой мало думающихъ о себѣ женщинъ. Ея худощавое, нѣсколько утомленное лицо съ густыми черными бровями, красивымъ носомъ и тонко очерченными линіями губъ и подбородка не бросалось сразу въ глаза, но чѣмъ болѣе вы въ него вглядывались, тѣмъ милѣе и привлекательнѣе становилась его красота. Что-то строго-цѣломудренное, самоотверженное и кроткое, напоминающее лица монахинь, какими писали ихъ старые мастера, было въ мягкихъ, красивыхъ чертахъ дѣвушки и особенно въ выраженіи ея большихъ бархатныхъ черныхъ глазъ, полуприкрытыхъ длинными густыми рѣсницами. Трудно было опредѣлить на видъ, сколько ей лѣтъ: могло быть и двадцать-пять, могло быть и значительно больше.

И въ костюмѣ ея было что-то монастырское, строгое, но въ то же время полное вкуса и изящной простоты. Темное, наглухо застегнутое пальто плот-

но охватывало ее гибкій, нѣжный станъ; черная кашемировая юбка оставляла открытыми маленькія ноги въ ботинкахъ на двойной подошвѣ; бѣлоснѣжный фуляръ окутывалъ ее шею, а круглая шляпа изъ черной соломы, съ черной лентой вокругъ, покрывала роскошные черные волосы, судя по тяжелымъ густымъ косамъ, собраннымъ сзади.

— Что жъ вы не нанимаете комнаты? — сказала Римма Михайловна, замѣтивъ снова подлѣ себя Стрепетова, робко посматривавшаго на стоявшихъ невдалекѣ многочисленныхъ представителей меблированныхъ комнатъ, которые, словно собаки, бросались на пассажировъ, выхваляя свои удобные, превосходные и дешевые номера.

— Да не знаю, кому изъ этихъ разбойниковъ вручить свою судьбу!

— Все равно. Пока остановитесь гдѣ-нибудь, а потомъ пріищите комнату отъ жильцовъ, какъ я вамъ говорила. А вашъ багажъ?

— Я еще не взялъ.

— Такъ берите. Въ той залѣ выдаютъ. Вотъ и мой чемоданъ! — обрадовалась Римма Михайловна, замѣтивъ носильщика. — Еще разъ прощайте, Павелъ Сергѣевичъ!

— Неужто такъ и конецъ нашему знакомству, Римма Михайловна? — неожиданно воскликнулъ молодой человѣкъ.

И, не выждавъ отвѣта, прибавилъ:

— Простите мою назойливость, позвольте какъ-нибудь навѣстить васъ. Можно? У меня вѣдь здѣсь ни души знакомыхъ! — прибавилъ онъ, какъ бы въ оправданіе своей просьбы.

Римма Михайловна мгновеніе колебалась. Но,

взглянувъ на сконфуженное лицо Стрепетова, который, казалось, самъ испугался своей храбрости, торопливо проговорила:

— Заходите, заходите, пожалуйста. Но только я васъ должна предупредить, что зимой у меня экзамены, и я буду очень занята! — серьезно и внушительно прибавила дѣвушка.

— О, я вамъ не помѣшаю! — воскликнулъ молодой человѣкъ, видимо обрадованный. — Я какъ-нибудь забѣгу къ вамъ на четверть часа, всего на четверть часа, если позволите. А коли не во-время, вы только заикнитесь: „Стрепетовъ, исчезните!“ — и я исчезну.

Римма Михайловна невольно улыбнулась, слушая эти слова и глядя на это жизнерадостное, красивое лицо, отъ котораго такъ и вѣяло свѣжестью потраченныхъ силъ и какой-то наивной восторженностью довѣрчивой души, полной надеждъ и жаждущей счастья. Она сказала Стрепетову свой адресъ, прибавивъ, что по воскресеньямъ вечеромъ бываетъ свободна.

И Стрепетовъ порывисто благодарилъ, точно ему сдѣлали величайшую услугу.

Г Л А В А II.

— А я-то васъ вездѣ ищу, Римма Михайловна! — совсѣмъ неожиданно раздались около нихъ звуки мягкаго, нѣжнаго баритона, и высокій, плотный, представительный господинъ лѣтъ за тридцать, гладкій, чистый и свѣжій, какъ и безукоризненный его лѣтній костюмъ, дружески протягивалъ дѣвушкѣ руку.

Онъ мелькомъ взглянулъ на отошедшаго молодого человѣка и продолжалъ:

— Чуть было, благодаря извозчику, не опоздалъ. Отвратительно везъ. Да какъ же вы поправились, Римма Михайловна! Совсѣмъ расцвѣли, право! Кумысь оживилъ васъ! — говорилъ онъ тѣмъ же мягкимъ, ласковымъ тономъ, вглядываясь съ улыбкой въ лицо дѣвушки и тихо выпуская ее вздрагивавшую руку. — Давайте-ка ваши доспѣхи! — И онъ принялъ изъ рукъ Риммы Михайловны сакъ-вояжъ и зонтикъ. — Чемоданъ одинъ? А какой, братецъ, у тебя номеръ? — обратился онъ къ носильщику. — Десятнадцатый? Отлично! Ну, какъ вы проводили время въ степи? Зубрили и тамъ? — продолжалъ онъ, ласково улыбаясь. — А Вѣнецкая не могла пріѣхать. Я показывалъ ей вчера вашу телеграмму. Сегодня у нихъ въ больницѣ операція, и она, разумѣется, не могла лишиться себя такого удовольствія.

Первую минуту Римма Михайловна, казалось, не слыхала, что ей говорятъ, о чемъ спрашиваютъ. Смущенная, глядѣла она на этого господина долгимъ, неотрываемымъ взглядомъ, и яркая краска тихо заливала ее щеки, а большіе глаза загорались блескомъ счастія.

Смущеніе длилось нѣсколько секундъ. Она вдругъ какъ-то вся ушла въ себя, отвела глаза и поспѣшила отвѣчать на вопросы.

„Она чувствуетъ себя отлично, кумысь ее поправилъ; работала мало, больше читала“, — говорила Римма Михайловна, повидимому, спокойно, но гдѣ-то далеко въ груди дрожала нотка, обличавшая душевное волненіе.

Стрепетовъ, стоявшій въ сторонѣ, былъ неволь-

нымъ свидѣтелемъ перваго момента этой встрѣчи, и его поразила переменѣна, происшедшая съ Риммой Михайловной. Такою онъ ея не видалъ. Она точно преобразилась: помолодѣла, похорошѣла, оживилась. И только теперь, въ первый разъ, нашъ молодой человѣкъ замѣтилъ, что его дорожная спутница очень недурна собой и вовсе не старая дѣва, какъ она себя называла и какою сперва казалась Стрепетову.

„Она положительно красива!“ — мысленно повторялъ молодой человѣкъ, любуясь Риммой Михайловной.

Ему даже стало обидно, что этотъ благоухающій, представительный блондинъ, съ свѣтло-русой выхоленной бородой и голубыми глазами, повидимому, не такъ былъ обрадованъ встрѣчей, какъ обрадована была Римма Михайловна. Ему казалось, что во взглядѣ блондина, мягкомъ и ласковомъ, совсѣмъ не было того трепета радостнаго счастья, который охватилъ все существо дѣвушки въ первый моментъ свиданія.

„И на извозчика жаловался. И нумеръ не забылъ спросить у носильщика! Какой аккуратный!“ — почему-то вспомнилъ Стрепетовъ и сдѣлалъ мысленную оцѣнку, далеко не благопріятную для блондина, стараясь надѣлать его всѣми отрицательными качествами.

„Такъ вотъ кому посылала она телеграмму и кого такъ ждала! А онъ чуть не опоздалъ!“ — подумалъ молодой человѣкъ, обиженный за дѣвушку и положительно не влюбившій красиваго блондина.

Онъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на нихъ. Но ихъ уже не было.

„Чудная дѣвушка!“ — восторженно прошепталъ мо-